

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	9
--------------	---

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1	13
Глава 2	57
Глава 3	120
Глава 4	155
Глава 5	193

КНИГА ВТОРАЯ

Глава 6	301
Глава 7	411
Глава 8	459

ЭПИЛОГ	574
--------------	-----

Брету Истону Эллису,
ЧЬЕ ВЕЛИКОДУШИЕ Я ВСЕГДА БУДУ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ПОМНИТЬ,
и Полу Эдварду Макглойну — вдохновителю и меценату,
лучшему другу до конца моих дней

ПРОЛОГ

В горах начал таять снег, а Банни не было в живых уже несколько недель, когда мы осознали всю тяжесть своего положения. Кстати, нашли его только через десять дней после гибели. Это была одна из самых крупных поисковых операций за всю историю Вермонта — полиция штата, национальная гвардия, ФБР. В колледже отменили занятия, в Хэмпдене временно закрыли красильную фабрику, люди приезжали из Нью-Гэмпшира и Нью-Йорка, даже из Бостона.

Странно, что бесхитростный план Генри прекрасно сработал, несмотря на все непредвиденные обстоятельства. Мы ведь вовсе не собирались прятать тело. На самом деле мы просто оставили его там, куда оно упало, понадеявшись, что случайный прохожий наткнется на него прежде, чем исчезновение Банни заметят. Все говорило само за себя: шаткие камни, осыпавшийся край обрыва, на дне ущелья — труп со сломанной шеей. Обычный несчастный случай. Смирненно пролитые слезы, скромные похороны — все могло бы пройти тихо и незаметно, если бы той ночью не выпал снег. Он полностью занес тело Банни, и через десять дней, когда наконец настала оттепель, участники поисков — полиция, ФБР, волонтеры — обнаружили, что все это время ходили по его трупу, утаптывая снег в плотную ледяную корку.

Люди в форме, вспышки фотоаппаратов, толпы народа, облепившие Маунт-Катаракт, как муравьи сахарницу, — трудно поверить, что такой шум поднялся вокруг происшествия, ответственность за которое отчасти лежит на мне. Еще труднее поверить, что

через все это мне удалось пройти, не вызвав и тени подозрения. Но пройти, увы, еще не означает уйти, и хотя некогда я полагал, что тем апрельским днем навсегда покинул злополучное ущелье, сейчас я в этом совсем не уверен. Теперь, когда поиски давным-давно закончились и в моей жизни все спокойно идет своим чередом, я начал понимать, что, воображая годами, будто нахожусь где-то еще, я все это время был только там — на краю обрыва, у заполнившихся грязью следов от колес в молодой траве, где темное небо нависает над дрожащим яблоневым цветом, а в воздухе уже чувствуется похолодание — предвестие снега, который выпадет ночью.

— А вы-то что здесь делаете? — удивленно воскликнул Банни, заметив нас.

— Да так, папоротники ищем, — ответил Генри.

После того как мы постояли, перешептываясь, в подлеске (последний раз взглянуть на тело, осмотреться — не обронил ли кто ключи или очки, не забыл ли чего) и гуськом потянулись через лес, я еще раз оглянулся. И хотя я помню наш обратный путь и первые одинокие снежинки, парящие на фоне сосен, помню, как мы с облегчением набились в машину и выехали на дорогу, словно семейство, отправившееся на пикник, помню, как Генри с каменным лицом объезжал рытвины, а мы вертелись на сиденьях и болтали, как дети, хотя я слишком хорошо помню ту ужасную долгую ночь и все последующие ужасные долгие дни и ночи, стоит мне оглянуться — и прошедших лет как будто нет в помине, и вновь у меня за спиной черное пятно ущелья, выплывающее из-за зеленых ветвей, картина, которая останется со мной навсегда.

Наверное, сложись все иначе, я мог бы писать о многих других вещах, но теперь у меня нет выбора. В моей жизни была только одна история, и лишь ее я могу рассказать¹.

1 Следует пояснить, что название книги отсылает к произведению византийского историка Прокопия Кесарийского (ок. 500–562 гг.). Исполняя обязанности военного летописца при дворе императора Юстиниана, он написал восьмитомную “Историю войн”, которую снабдил “неофициальным” дополнением — памфлетом под заглавием *Anecdota* (т.е. неизданное). В нем он излагает закулисные причины описанных в “Истории” политических событий и весьма критически оценивает действия императора. Греческое название памфлета переводилось на английский как *The Secret History*, а на русский — как “Тайная история”. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

КНИГА ПЕРВАЯ

-
- И вот я задаю вопрос о том,
кто и как становится филологом, и утверждаю:*
- 1. В юности человек не имеет еще ни малейшего представления
о древних греках и римлянах.*
 - 2. Он не знает, пригоден ли он к тому,
чтобы сделать их предметом своего изучения.*

ФРИДРИХ НИЦШЕ

Из заметок к ненаписанной книге “Мы, филологи”

*Так давай же уделим беседе добрую толику времени,
и речь у нас пойдет о воспитании наших героев.*

ПЛАТОН

“Государство”, книга II

ГЛАВА 1

Существует ли такая вещь, как “трагический изъян” — злое-щая темная трещина, пролегающая через всю жизнь, — вне литературы?¹ Когда-то я полагал, что нет. Теперь же уверен, что существует. И в моем случае это, видимо, болезненная и неудержимая тяга ко всему, что исполнено внешнего блеска и великолепия.

A moi. L'histoire d'une de mes folies².

Меня зовут Ричард Пейпен. Мне двадцать восемь лет, и я впервые увидел Новую Англию и Хэмпден-колледж, когда мне исполнилось девятнадцать. Я уроженец Калифорнии, и, как теперь понимаю, меня можно назвать калифорнийцем в том числе и по складу характера. В последнем я смог признаться себе лишь недавно... Впрочем, это не важно.

Вырос я в Плано, маленьком городке на севере Силиконовой долины. Ни братьев, ни сестер у меня не было. Мой отец держал автозаправку, а мать сидела дома. Потом, когда я стал старше, а жизнь — дороже, мать устроилась на работу — диспетчером в офис одного из крупных заводов микроэлектроники в окрестностях Сан-Хосе.

1 Традиционный русский перевод этого термина аристотелевской эстетики — “трагическая ошибка”: “Остается среднее между этими [крайностями]: такой человек, который не отличается ни добродетелью, ни праведностью и в несчастье попадает не из-за порочности и подлости, а в силу какой-то ошибки (*hamartia*)...” (Поэтика, 1453а. Перевод М. Гаспарова).

2 О себе. История одного из моих безумств (*фр.*). А. Рембо. Одно лето в аду. Перевод М. Кудинова.

Плано. Это слово вызывает в памяти ряды типовых бунгало, автокинотеатры, источаемые асфальтом волны жара. Проведенные там годы сложились для меня в некое прошлое, расстаться с которым оказалось так же легко, как выбросить пластиковый стаканчик. В некотором смысле это было весьма ценным подарком судьбы. Покинув родительский дом, я сочинил новую, куда более привлекательную историю детства, полную расхожих образов, обычно возникающих при упоминании Калифорнии, — красочное прошлое, легкодоступное для посторонних.

Ослепительный блеск этого вымышленного детства — бассейны, апельсиновые рощи, милые разгильдяи родители, занятые в шоу-бизнесе, — полностью затмил тусклое однообразие детства подлинного, размышляя о котором я не могу вспомнить ничего, кроме унылой мешанины предметов: кеды, в которых я ходил круглый год, дешевые книжки-раскраски, старый, потрепанный мяч — мой вклад в игры с соседскими детьми. Мало интересного, и уж совсем ничего радующего глаз. Я был тихим, высоким для своих лет подростком с щедрой россыпью веснушек на лице. Я не мог похвастаться большим количеством друзей, но было ли это осознанным моим выбором или же просто стечением обстоятельств, я не знаю. Помнится, учился я хорошо, но среди первых учеников никогда не был. Мне нравилось читать — Толкиена, приключения Тома Свифта, но против телевизора я тоже ничего не имел и частенько проводил долгие и безрадостные часы после школы, лежа перед ним на ковре в нашей пустой гостиной.

Мне почти нечего добавить к этим воспоминаниям, кроме, пожалуй, определенного настроения, которым были проникнуты почти все мои детские годы, — чувства подавленности, связанного с воскресными сериями “Чудесного мира Диснея”. Воскресенье было грустным днем (рано в постель, завтра в школу, я постоянно боялся, что наделал в домашней работе ошибок), но когда в ночное небо над залитыми светом башнями Диснейленда взмывал фейерверк, меня охватывала настоящая тоска. В такие минуты я думал, что мне никогда не выбраться из безотрадной круговерти школы и дома. Мой отец был человеком мелочным и вздорным, наш дом — безобразным, мать никогда не баловала меня вниманием. Я носил купленную по дешевке одежду, был всегда слишком коротко подстрижен, и никто из одноклассников не питал ко мне особой симпатии. А поскольку так было всегда, с тех пор как я себя помнил,

я боялся, что и дальше все будет течь в том же мрачном русле. Короче говоря, мне казалось, что все мое существование поражено неким скрытым недугом, исцелиться от которого мне не суждено.

Так что полагаю, нет ничего удивительного в том, что мне трудно соотнести свое прошлое с прошлым моих друзей, по крайней мере с таким, каким я его вижу. Чарльз и Камилла — сироты (как я желал себе этой горькой судьбы!), выросшие под присмотром бабушек и тетюшек в огромном старом доме где-то в Виргинии: река, лошади, амбровые деревья — детство, о котором приятно помечтать. Или, например, Фрэнсис. Когда он появился на свет, его матери было всего лишь семнадцать — хрупкая, капризная девочка с рыжими волосами и богатым папой, сбежавшая из дома с барабанщиком Вэнса Вэйна и его “Веселых вагантов”. Через три недели она вернулась домой, через шесть брак был признан недействительным. И что же? Как любит при случае заметить Фрэнсис, дед и бабушка воспитали их как брата и сестру — его и его мать. Их окружали такой заботой, что это производило впечатление даже на привыкших ко всему сплетников, — гувернантки из Англии, частные школы, лето в Швейцарии и зима во Франции. Взять даже нашего простофилю Банни. Детство, не больше моего похожее на то, что проходит под знаком матросских костюмчиков и уроков танцев. Но все же американское детство. Отец — ведущий игрок футбольной команды Клемзонского университета, ставший банкиром. Четыре брата — и ни одной сестры — в большом и шумном доме в пригороде; яхты, теннисные корты, золотистые ретриверы, летние поездки на Кейп-Код, элитные пансионаты в окрестностях Бостона, барбекю перед началом футбольных матчей. Неудивительно, что это воспитание проявлялось у Банни абсолютно во всем, от рукопожатия до манеры рассказывать анекдоты.

Ни с кем из них у меня нет и не было ничего общего — ничего, кроме знания греческого и года жизни, проведенного вместе. Впрочем, если общность может быть основана на любви, то нас объединяла еще и любовь, хотя, я понимаю, это может показаться странным в свете той истории, которую я собираюсь рассказать.

С чего начать?

После школы я поступил в маленький колледж в нашем городке (родители были настроены против; они уже давно дали понять, что я должен буду помогать отцу вести дело — одна из причин мо-